

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Д. П. КАЛЛИСТОВ, Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи, Л., 1949, 284 стр., тираж 3000 экз., цена 17 руб.

Рецензируемая книга состоит из краткого введения, шести глав и многочисленных примечаний (стр. 237—284). Во введении (стр. 3—4) автор намечает главную задачу исследования: изучение проблемы взаимоотношений мира варваров с миром античной цивилизации на материалах истории Боспорского государства V—IV вв. до н. э.

Первая глава (стр. 5—43) посвящена предколониальному периоду. Д. П. Каллистов утверждает, что существенной особенностью греческой колонизации Северного Причерноморья было наличие торговых связей еще в VII в. до н. э., за сто лет до возникновения постоянных поселений, и полагает, что греческую колонизацию нужно рассматривать как процесс двусторонний, обусловленный развитием и средиземноморской Греции, и туземного общества Северного Причерноморья. Автор обращает внимание на типологическое единство всех трипольских поселений, что является свидетельством широкого общения и прочных связей между трипольскими племенами уже в древнейшую эпоху. Наличие меновых связей с средиземноморским бассейном связывается с последующей греческой колонизацией района Трипольской культуры. Более сложный вопрос о местных предпосылках колонизации Северо-восточного Причерноморья рассматривается в связи с новейшими археологическими исследованиями Северного Кавказа и Закавказья. Высказывается предположение, что к концу II тысячелетия до н. э. междуплеменные связи распространяются на все Северное Причерноморье, соединяя юго-восток и юго-запад нашей страны. Однако недостаточность археологического материала заставляет автора считать этот вывод предварительным. Утверждая единство варварского мира, автор ссылается на общность материальной культуры, обряда погребения, а равно и на распространение «звериного» стиля.

Д. П. Каллистов полагает, что единство варварского мира в предколониальный период было условием возникновения греческих колоний. При низком уровне производительности сельского хозяйства варваров только обширная территория могла удовлетворить экспортные возможности торговой колонии.

Во второй главе говорится о колонизации Боспора (стр. 43—80). Автор полагает, что от первых посещений греками Северного Причерноморья до основания колоний должно было пройти не менее 50 лет. Принимая традиционную дату основания Фанагории, автор разделяет мнение С. А. Жебелева о возникновении Пантикапея в сороковых годах VI в. до н. э. Ряд поселений Д. П. Каллистов считает возникшими в результате так называемой внутренней колонизации. Согласно его мнению, греческой колонизации Боспора были присущи две особенности: 1) все колонии были выведены в последних десятилетиях VI в. до н. э. и возникли почти одновременно; 2) к началу V в. колониальный поток прекратился, что связано с подавлением ионийского восстания персами. Далее (стр. 68—69) Д. П. Каллистов останавливается на различных мнениях относительно роли местных элементов в северо-причерноморских городах.

Автор категорически утверждает, что торговля с самого раннего времени в течение ряда веков доминировала над всей хозяйственной жизнью городов-колоний. Длительное торговое общение греков и варваров должно было вызывать близость и частные случаи этнического смешения. Однако, суммируя доступные данные о культурно-

политической жизни греческих городов Восточного Босфора, Д. П. Каллистов склоняется к тому, что более сильными были их связи с метрополией, чем с варварским миром. Это приводит к выводу о существовании греческого и варварского миров в качестве обособленных исторических сил, но находящихся в постоянном соприкосновении.

Следующие главы работы посвящены обоснованию этого построения.

Наименьшая из всех по объему, третья глава (стр. 81—100) называется: «Интерпретация северночерноморских варваров в античной литературной традиции». Оспаривая положение Ростовцева о существовании ионийской научной традиции реалистических описаний Северного Причерноморья, Д. П. Каллистов считает возможным приложить понятие реалистического канона только к труду Геродота. В античной литературной традиции о скифах и сарматах автор усматривает прежде всего идеализирующее направление, возглавляющееся Эфором, а затем противоположное направление, представляющее причерноморское население в виде диких, кровожадных варваров; ярким представителем этого течения был Еврипид. Наконец, к третьей группе относятся христианские писатели, повествовавшие о смягчении ранее диких варваров христианством. По мнению Д. П. Каллистова, все античные авторы, независимо от того, к какому направлению они бы ни принадлежали, свидетельствуют своим творчеством, что всему античному миру варварская стихия всегда оставалась чуждой и непонятной, хотя античная традиция и включает много вполне реальных данных о варварах.

Самая большая по объему, четвертая глава носит название «Особенности социального строя северночерноморских варваров» (стр. 101—153). Автор указывает, что вопрос о социальном строе северночерноморских варваров лишь в недавнее время стал привлекать внимание исследователей. Он склоняется к мнению В. И. Равдоникаса, М. И. Артамонова и А. А. Иессена, считающих скифское общество эпохи Геродота еще родовым, хотя и значительно уже затронутым процессом социально-имущественной дифференциации. Далее, автор, полемизируя с Ростовцевым по вопросу о существовании скифской державы в VII—V вв. до н. э., допускает лишь «временное и непрочное» (стр. 111) объединение многих племен.

Переходя к рассмотрению IV книги Геродота, автор отмечает, что Геродот пользовался двойной терминологией при описании племен Северного Причерноморья. Одни из них называются по их именам, другие же получили наименование, характеризующее их хозяйственный уклад, например, скифы-пахари. Эту терминологическую особенность автор видит во всей античной традиции, связанной с Северным Причерноморьем. Отсюда следует вывод, что, читая Геродота, мы не найдем данных о существовании крупных племенных объединений (стр. 126). Под таким углом зрения рассматривается рассказ Геродота о скифах и походе Дария. Это приводит автора к выводу, что у скифов того времени не было объединений, обладавших чертами хотя бы примитивного варварского государства.

Отводя патриархальному рабству геродотовских скифов небольшую роль, Д. П. Каллистов видит в «скифах-земледельцах» и «скифах-пахарях» мелких свободных производителей, самостоятельно ведущих хозяйство и продающих избыток своего хлеба греческим купцам. Одним из доказательств этого положения автор считает раннюю чеканку и обилие мелких номиналов монет в городах Северного Понта.

Д. П. Каллистов утверждает, что скифы в эпоху Геродота находились на стадии военной демократии, и принимает точку зрения С. А. Жебелева, считавшего, что первым варварским государством в Северном Причерноморье было царство Скилура и Палака. В конце главы автор оспаривает существование государства синдов в V в. до н. э. и рассматривает чеканку синдских монет как мероприятие боспорского правительства.

Пятая глава — «Археанактиды» (стр. 154—198) посвящена проблеме возникновения Боспорского государства. Д. П. Каллистов выдвигает предположение, что Диодор заимствовал сведения из местной хроники, вероятно, придворного историографа боспорских правителей. Свидетельство его об Археанактидах говорит о возникновении нового, отличного от обычного эллинского полиса, государственного объединения. Первоначальная территория этого государства была невелика: она охватывала Панти-

капей, Фанагорию и близлежащие земли. В связи с этим Д. П. Каллистов, касаясь вопроса о происхождении валов на Керченском полуострове, склоняется к мнению, что они были сооружены объединением греческих городов и отражали рост Боспорского государства. Государство Археанактидов автор считает союзом греческих полисов. Мнение Бека об аристократическом характере власти Археанактидов автор находит мало убедительным. Не соглашается он и с мнением С. А. Жебелева, считавшего отношения боспорских городов с местными обитателями в древнейшую эпоху только миролюбивыми.

Затем Д. П. Каллистов переходит к рассмотрению исторических условий возникновения государства Археанактидов. По мнению автора, разгром ионийского восстания персами привел к изоляции причерноморских колоний и застою торговли в боспорских городах, вызвав ухудшение отношений с местными племенами. Именно последнее обстоятельство и было причиной объединения боспорских городов, преодолевших традиции полисного сепаратизма. Это предположение Д. П. Каллистова о предпосылках возникновения Боспорского государства является совершенно новой попыткой связать возникновение Боспорского государства с общеисторическими событиями первых десятилетий V в. до н. э.

Последняя, шестая глава посвящена Спартокидам (стр. 199—236). Автор сначала говорит об их приходе к власти, затем подробно рассматривает вопрос о вхождении северопонтийских городов в Афинский морской союз, считая несомненной принадлежность Нимфея и других городов к этому союзу. Д. П. Каллистов полемизирует с С. А. Жебелевым по вопросу о переходе Нимфея от Афин к Боспору. Затем автор выдвигает положение, что увеличение спроса на хлеб в конечном счете вызвало расширение боспорской территории. Остановившись на политике первых Спартокидов, исследователь высказывает мысль, что они находили поддержку не только у местного и греческого населения, но и среди приезжих греков; сторонники же полисной автаркии находили себе приют и защиту в Феодосии. Утверждая, что в IV в. до н. э. экспорт и импорт превалировали над собственным боспорским производством, Д. П. Каллистов указывает, что воздействие греческих городов на соседние племена было прежде всего торговым: не перестраивая коренным образом местное общество, оно только форсировало происходившие там внутренние процессы. Автор полагает, что внутренняя жизнь племен развивалась в том же направлении, что и в доколониальный период.

По мнению Д. П. Каллистова, Боспор Спартокидов не был централизованным государством. В двойной титулатуре боспорских правителей автор видит сохранение еще в IV в. каких-то остатков полисного самоуправления и племенной автономии. Но власть Спартокидов была весьма прочна, так как их поддерживали высшие слои греческого и местного населения, заинтересованные в развитии боспорской торговли. Свой интересный и обстоятельный труд Д. П. Каллистов заканчивает кратким анализом социальных противоречий, проявившихся на Боспоре даже в эпоху его наивысшего расцвета.

Работа Д. П. Каллистова производит весьма благоприятное впечатление. Автор проявил широкую и разностороннюю эрудицию и мастерство историка-исследователя. Как видно из содержания работы, в ней освещены и предколониальный этап в истории Северного Причерноморья, и социальный строй местных племен в античную эпоху, и эллинская колонизация Северного Причерноморья в первые века истории Боспора. Уже этот факт свидетельствует о большой широте интересов автора, редко доступной одному исследователю.

Несомненной заслугой Д. П. Каллистова является и то обстоятельство, что он рассматривает историю Северного Причерноморья вообще и Боспора в частности в тесной связи с историей Восточного Средиземноморья и эллинской метрополии, учитывая связи и взаимодействия, которые неоднократно имели место.

Свободно владея всеми данными античных авторов, Д. П. Каллистов проявляет большую тонкость и осторожность при критике текста последних. Широко используя при этом опыт и достижения своих предшественников, он вносит ряд новых, самостоятельных наблюдений и заключений. Весьма обстоятельно использованы [Д. П. Калли-

стовым и данные эпиграфики. Несомненным достоинством труда является широкое использование материалов нумизматики и археологических данных. В целом работа является, несомненно, ценным вкладом в историю отдаленного прошлого нашей Родины. Целый ряд приемов и наблюдений автора, несомненно, станет достоянием нашей науки. Хорошее знакомство с рецензируемой работой настоятельно необходимо для каждого исследователя древней истории нашего Юга.

Однако, несмотря на все отмеченные достоинства, работа Д. П. Каллистова не лишена и некоторых недостатков. Прежде всего отметим наличие отдельных противоречий в изложении автора. Так, в первой главе исследователь подчеркивает наличие широкого общения и прочных связей, существовавших уже во времена трипольской культуры (стр. 15 сл.); в века, непосредственно предшествующие греческой колонизации, подобные связи не только распространяются на очень значительную территорию, но возникает еще и то, что может быть названо единством варварского мира (стр. 40). В дальнейшем, в IV главе, описывая быт обитателей Северного Причерноморья во времена греческой колонизации и последующие столетия, исследователь подчеркивает племенную разобщенность. На стр. 126 он пишет: «Отсутствие даже косвенных данных о племенных объединениях в среде «скифов-земледельцев» и «скифов-кочевников» скорее заставляет думать, что в век Геродота их еще не было». Нужно думать, что если роль «варварского единства» в III тыс. до н. э. явно преувеличена, то значение его в I тыс. до н. э. явно преуменьшается.

Автор утверждает, что у скифов-пахарей был родовой строй, и вместе с тем полагает, что они вели свои расчеты с ольвийскими купцами на деньги, выпускаемые Ольвией (стр. 141 сл.), и что ольвийская медь именно и предназначалась для покупки хлеба у широкого круга местных производителей (стр. 145 сл.). Аналогичное назначение предполагает Д. П. Каллистов и для мелких номиналов пантикапейского серебра (стр. 146, 224, 226). Не разделяя точки зрения автора на возможность выпуска монет для скифов-пахарей и других местных земледельцев, мы должны отметить явную его непоследовательность, поскольку допускается хождение денег (именно как денег, а не сокровищ) и наличие частной собственности на хлеб у многих мелких производителей в том обществе, которое он считает родовым.

Безусловно большим достоинством работы Д. П. Каллистова является внимание его к местному населению Северного Причерноморья как в предколониальное время, так и в эпоху существования греческих городов. Однако в намеченной им картине выпало весьма важное звено, а именно, киммерийская культура, которой автор в сущности совсем не уделил внимания, ограничившись отдельными беглыми упоминаниями о вещах киммерийского типа (например, стр. 22). История киммерийцев и их отношений со скифами, а равно и роль киммерийских традиций в культуре племен Северного Причерноморья античной эпохи также не получили освещения в рецензируемой работе. Между тем остановиться на этих вопросах для историка Боспора, несомненно, было гораздо важнее, чем освещать культуру Триполья или Прикубанья III тыс. до н. э. В первой главе Д. П. Каллистов уделил немало внимания проблеме межплеменных связей в доколониальный период. Однако, к сожалению, она разрабатывается в некотором отрыве от конкретной задачи исследования, ибо автор трактует о II тысячелетии до н. э. и более отдаленных периодах, не останавливаясь на более близком времени: VIII—VII вв. до н. э. В силу этого у читателя встает недоуменный вопрос: почему рассмотрение трипольской культуры предпослано исследованию колонизации? Ведь трипольская культура задолго до колонизации прекратила свое существование и ни прямой ни косвенной связи с нею не имеет. За столь долгое время хозяйство и культура обитателей Северо-западного Причерноморья сильно изменились. Между тем эти вопросы остались неосвещенными, и автор непосредственно переходит затем к нашествиям варваров в VIII—VI вв. до н. э. на широких пространствах от Балканского полуострова до Китая. Таким образом, широкая историческая проблема оказывается обескровленной отсутствием важного звена — киммерийцев. Этот пробел тем более бросается в глаза, что автор неоднократно обращается к Урарту (стр. 113, 126, 149), крайне преувеличивая влияние последнего на Северное Причерноморье.

Одним из самых трудных вопросов, затронутых в исследовании Д. П. Каллистова, является вопрос об особенностях социального строя обитателей Северного Причерноморья, в частности скифов. Ряд положений автора вызывает возражения. Так, например, желая подчеркнуть разобщенность обитателей Северного Причерноморья, автор говорит на стр. 125, что в 17 и 27-й главах IV книги Геродота мы находим перечисление племен, а более широкие термины отсутствуют. Но ведь там Геродот и преследует эти цели — детально сообщить о расселении племен; общее наименование скифов — сколоты он сообщает выше (IV, 6). Нельзя также приводить как доказательство разобщенности отсутствие в Херсонесской присяге термина *Σκῆδοι* (как это делает автор на стр. 125) — весь смысл данной присяги именно и требовал более общей формулировки (имелся в виду каждый эллин и каждый варвар, а не только скиф). Автор преувеличивает раздробленность племенных групп в Северном Причерноморье и преуменьшает занимаемые ими территории. Впрочем, этническая дробность сама по себе мало что значит. На стр. 127 мы читаем, что «у Геродота отсутствуют прямые указания на зависимость одних племен от других». Этому противоречит 20-я глава IV книги Геродота, где говорится, что царские скифы считают прочих скифов своими рабами. Но это еще не столь важно. Важнее другое, а именно, что все скифское общество на протяжении половины тысячелетия (с VII в. до н. э. до III в. до н. э.) рассматривается исследователем почти совершенно статически. Первые признаки скифской государственности Д. П. Каллистов относит к III в. до н. э. (стр. 149), считая вместе с тем, что у нас имеются все основания согласиться с С. А. Жебелевым, утверждавшим, что до середины II в. до н. э. скифы не знали прочных объединений и действовали вразброд. Дело здесь не только во внутреннем противоречии, в которое впал автор, оставивший читателя в полном недоумении, когда же, по его мнению, появилось у скифов государство — в III или в середине II в. до н. э. Гораздо важнее другое. Д. П. Каллистов совершенно не уделил внимания тем процессам, которые предшествовали образованию государства у скифов, а показ их развития является едва ли не важнейшей задачей историка скифского общества.

Автор оставил без внимания ряд данных, свидетельствующих о распаде родового строя у скифов уже в V—IV вв. до н. э. (господство царских скифов над другими, несомненное наличие крупных поставщиков греческим купцам, как это показывают богатые курганы, многочисленность рабов). Последнее положение Д. П. Каллистов оспаривает на стр. 140, полагая, что скифы уводили людей в полон для продажи рабов греческим купцам. Роль рабского рынка Северного Причерноморья не подлежит сомнению. Однако вряд ли громадные насыпи скифских царских курганов сооружены не подневольным трудом.

Заключая нашу мысль, отметим, что если большие походы скифов в VII—VI вв. до н. э. могли осуществляться союзом племен, то трудно допустить, чтобы возникшее в середине IV в. до н. э. царство скифского царя Атея, правившего на обширных пространствах от Танаиса до Истра, не представляло собой государства хотя бы самого примитивного типа. К концу III в. до н. э. относятся первые чеканки монеты скифских царей, которые трудно понять, не признав факта существования скифского государства в это, а вернее, и в более раннее время.

Следует указать, что исследователь не обратил должного внимания на неравномерность развития местных племен Северного Причерноморья, между тем вряд ли можно сомневаться в том, что одни из них (например, синды и скифы) значительно опережали других.

Автор, всегда очень внимательно учитывающий все, даже мельчайшие моменты социально-политической истории, уделяет несколько меньше внимания экономике и в этой области чаще, чем в других,падает в погрешности. Так, вопрос об основах хозяйства почти не затрагивается в I главе. Весьма сомнительна намечаемая автором картина торговли греческих купцов с многочисленными мелкими свободными местными земледельцами и, что совсем невероятно, — специальный выпуск для этой цели мелких номиналов пантикапейского серебра и ольвийской меди (стр. 145—146, 208 сл.). Богатые погребения местной знати наглядно свидетельствуют о существовании в местной

среде крупных торговцев, а наличие мелких номиналов указывает на развитие городской жизни и потребностей внутри городского рынка.

Следует также отметить, что вопросы историко-художественные, которых иногда касается автор, не всегда трактуются им достаточно четко. Так, не вполне ясны взгляды автора на вопросы, связанные со скифским звериным стилем. На стр. 30—33 своей книги Д. П. Каллистов излагает довольно противоречивые взгляды ряда исследователей, и у читателя создается впечатление, что автор согласен со всеми исследователями (кроме Б. В. Фармаковского). Так изложены теории Б. Б. Пиотровского о влиянии Урарту на скифский «звериный» стиль, Ростовцева — об иранском влиянии, Д. Н. Эдинга, выдвинувшего положение о местном происхождении «звериного» стиля, В. В. Гольмстен, призывавшей покончить с теориями ассирийского, иранского и ионийского происхождения «звериного» стиля. Признавая В. В. Гольмстен правой, автор в дальнейшем (стр. 38) утверждает, что произведения «звериного» стиля изготовлялись урартийскими, греческими и иранскими мастерами для скифских заказчиков. Нам представляется, что произведения «звериного» стиля изготовлялись самими скифами. Отмеченная неясность формулировок неоднократно имеет место и в других частях книги. Так, например, остается неясным, к какой точке зрения склоняется автор в вопросе о происхождении Спартока (стр. 201).

Достоинством работы Д. П. Каллистова является то обстоятельство, что автор постоянно рассматривает историю Боспора в тесной связи с теми событиями, которые имели место в Восточном Средиземноморье. Однако эта постановка вопроса, сама по себе правильная, иной раз приводит автора к спорным и даже неправильным выводам. На стр. 194 и сл. высказывается заманчивое предположение, что возникновение Боспорского государства в 480 г. до н. э. было обусловлено кризисом, вызванным прекращением торговли с ионийскими городами, разоренными персами в 494 г. до н. э. Однако кризис этот не мог длиться в течение многих десятилетий, тем более, что вскоре после возникновения государства Археанактидов и побед над персами в 480—479 гг. до н. э. вся обстановка на Эгейском и Мраморном морях изменилась в пользу греков. Кроме того, мало вероятно, что возникновение Боспорского государства порождено одними событиями в метрополии. Нужно полагать, что не меньшее значение должны были иметь причины чисто местного порядка, например, постепенно слагавшиеся объединения соседних племен.

Еще труднее согласиться с другим положением Д. П. Каллистова, а именно, что расширение Боспорской территории в конечном счете было вызвано афинским спросом на хлеб с Понта. На стр. 208 мы читаем: «Развитие территориальной экспансии Боспорского государства следует поставить, таким образом, в прямую причинную связь с общими изменениями конъюнктуры на международном рынке того времени, и прежде всего со значительным повышением спроса на боспорский хлеб». И дальше (стр. 208—209): «Увеличивавшийся спрос на хлеб поставил Боспор перед проблемой расширения своей территории. Ему предстояло превратиться в большое государство». А ведь создание и последующее расширение Боспорского государства определялись прежде всего развитием античных городов и окружавших их местных племен; что же касается спроса на хлеб, то таковой отнюдь нельзя считать фактором, определявшим расширение территорий; так, значительный вывоз хлеба из Ольвии не привел к каким-либо территориальным захватам.

Большим достоинством Д. П. Каллистова является всегда строго критическое отношение к своим предшественникам-историкам, даже если их авторитет общепризнан. Однако наряду с этим к археологам и искусствоведам автор гораздо менее критичен, в силу чего в работу проник целый ряд спорных, а иной раз и просто ошибочных положений. Так, нет достаточных оснований считать нимфейские курганы (стр. 63 сл.) не принадлежащими городищу, как это в самой решительной форме утверждает автор. На стр. 51 автор признает существование в Фанагории храма Геракла, основываясь на находке в 1929 г. фрагмента надписи, якобы являющегося частью архитрава. Видеть в этом фрагменте часть архитрава крайне трудно, в силу чего нельзя принять и вывод о храме. Вряд ли можно говорить об архитектуре фанагорийского храма Афродиты

Апатуры на основании найденного в другом городе архитектурного обломка позднего времени с плохо сохранившимися рельефными изображениями гигантов (стр. 51). Лучше отказаться от таких предположений. Нельзя также признать удачной мысль (стр. 36 сл.), что для эллинского художественного восприятия характерно трактовать негреческие народы в образах мифологических существ низшего порядка. Таковыми автор считает образы Антея на вазе Евфрония, фигуру Марсия Мирона и фигуры западного Олимпийского фронтона, — вероятно, кентавров. С этим положением нельзя согласиться. Греческие художники изображали варваров с архаических времен, не смешивая их с мифологическими существами низшего порядка, персонализирующими силы природы. Не нужно их смешивать и нынешним исследователям. Совершенно излишним представляется также следующее затем изложение крайне субъективной теории «греческого гуманизма середины V в. до н. э.» (стр. 37).

Остановимся, наконец, на вопросе, которым автор завершает свою работу. Д. П. Каллистов приходит к выводу, что эллины и аборигены Северного Причерноморья всегда были двумя несливавшимися и независимо друг от друга существовавшими мирами. С этой точкой зрения нельзя согласиться. Взаимоотношения местного населения и греков — это сложнейший процесс, который нельзя охарактеризовать в немногих словах, как это пытается сделать автор. Различные племена и различные социальные слои последних далеко не в одинаковой мере вступали в те или иные соотношения с античным миром. Равным образом, в различных греческих городах те или иные слои населения в различные эпохи в разной мере испытывали воздействие местной среды. Сколь велико могло быть, правда, в отдельных случаях, слияние античного мира с местным населением, показывает существование эллино-скифов — каллипидов около Ольвии уже во времена Геродота.

Перейдем теперь к отдельным частным вопросам. Прежде всего на стр. 44 мы читаем, что местоположение Диоскуриады до сего времени не установлено. Вряд ли есть основание писать об этом так категорически после работы Л. Н. Соловьева, «Диоскурия-Севастополис-Цхум» (Труды Абхазского гос. музея, I, 1947, стр. 99 сл.). На стр. 47 и сл. (см. также стр. 7) автор присоединяется к мнению С. А. Жебелева о возникновении Пантикапея в сороковых годах VI в. до н. э. Этому мнению противоречат данные раскопок 1945 г., установившие наличие поселения на Митридите в первой половине VI в. до н. э., в полном соответствии с чем находится чеканка пантикапейской монеты со второй половины VI в. до н. э. и древнейшие погребения пантикапейского некрополя.

Поддерживаемое автором (стр. 66) мнение С. А. Жебелева, что чуть не все выведенные на Боспор колонии «были основаны на протяжении короткого промежутка времени последних десятилетий VI в. до н. э.», нуждается в значительном пересмотре.

Автор утверждает (стр. 49), что до конца V или начала IV в. до н. э. в Пантикапее и других античных поселениях Северного Причерноморья не было ни глиняной черепицы, ни зданий, способных ее вынести. Находки опровергают это. В 1939 г. в Фанагории слой, бесспорно датируемый V в. до н. э., заключал обломки глиняных черепиц. В 1945 г. в Пантикапее были найдены обломки здания ионийского ордера начала V в. до н. э., несомненно, способного нести кровлю не только из глиняной, но и из мраморной черепицы. Да и странно было бы допустить, чтобы столица Боспора — Пантикапей ко времени Спартока состояла из одних хижин, крытых соломой.

Д. П. Каллистов, говоря о местной керамике, найденной в Фанагории, утверждает (стр. 52 сл.), что она выпускалась в расчете на широкий круг потребителей и предназначалась для удовлетворения повседневных бытовых нужд, и отрицает ее «парадный» характер. Далее, автор пишет: «Ничего специфически туземного, роднящего эти изделия с вещами, исполненными в так называемом скифском стиле, как нам кажется, заметить нельзя». Здесь следует отметить, что, говоря о местной культуре Фанагории, мы прежде всего должны уделить внимание синдо-меотским, а не скифским, чертам. Далее, упомянутая керамика встречается в Фанагории в весьма небольшом количестве и в силу этого не могла обслуживать широкий круг потребителей, как это утверждает Д. П. Каллистов. Очень высокий технический уровень ее исполнения, лощение, дающее блеск,

подобный черному хорошему лаку, дает все основания видеть в этой посуде именно парадную, что напрасно пытается оспаривать автор. Вместе с тем решительно невозможно утверждать, как это делает Д. П. Каллистов, что у этой керамики «нет ничего специфически туземного»; посуда эта явно местная, а не греческая, совершенно не похожая на античную керамику, изготовлявшуюся в той же Фанагории.

Автор несколько переоценивает роль импортной керамики на Боспоре в IV в. до н. э. (стр. 70—72, 228). Не оспаривая большого значения ввоза из Греции в это время, мы считаем, что автор уделяет недостаточное место боспорскому производству. Отметим, кстати, что говорить с уверенностью о превалировании импортной керамики в Феодосии пока преждевременно ввиду недостаточной исследованности городища.

На стр. 69 автор, перечисляя некрополи античных городов Северного Причерноморья, где среди древнейших погребений были найдены костяки в скорченном положении, называет Фанагорию. Все подобные фанагорийские погребения (как отмечено в отчетах) относятся не к древнейшим временам, а, напротив, к поздней эпохе.

Нельзя согласиться с тем, что «боспорские города призваны служить морскими станциями, облегчавшими сношения между европейской и азиатской частями Боспора» (стр. 70). Экономические связи между восточной частью Керченского полуострова и западной частью Таманского полуострова (или, точнее, Архипелага) в древности отнюдь не имели такого значения, чтобы вызвать появление целой группы греческих городов.

Анализ описания Северного Причерноморья в труде Геродота (стр. 119 сл.) производится без учета весьма важного обстоятельства, а именно, общей композиции и замысла его труда, повествующего о борьбе эллинов с Востоком.

Вызывает недоумение несколько неопределенная характеристика, которую дает автор военному искусству скифов, говоря (стр. 133) о «сознательном или бессознательном заманивании врага». У читателя невольно встает вопрос: не считает ли автор полной неудачу, постигшую непобедимую персидскую армию, результатом простой случайности? В примечании 247 на стр. 142 мы читаем: «Описываемая Геродотом в этих главах тактика скифов...» Геродот говорит о стратегии, а не о тактике скифов.

На стр. 202 автор говорит, что приход к власти Спартокидов во времени совпал с началом и развитием боспорской территориальной экспансии. Это утверждение несколько неточно. Правление Спартока началось с 438 г. до н. э. Присоединение Нимфея имело место в конце V в. до н. э. Дальнейшая и значительно большая территориальная экспансия Боспора приходится на время Сатира и особенно Левкона.

Сомнительно предположение, что конкуренция с ионянами на западном побережье Черного моря побудила афинян перенести свою деятельность на северное побережье Понта (стр. 205 сл.). Афиняне одинаково конкурировали с ионянами на обоих берегах.

Нельзя согласиться с Д. П. Каллистовым, что Феодосия имела для Боспора значение прежде всего как транзитный пункт (стр. 212). Демосфен в речи против Лептина явно свидетельствует о большом значении Феодосии как порта, откуда вывозили большое количество хлеба. Не обоснованы предположения автора о низких экспортных возможностях Феодосии (стр. 210), расположенной в весьма хлебобородном районе.

На стр. 224 Д. П. Каллистов говорит о двух конъектурах текста Диодора (XX, 22), упоминающего о союзниках Евмела: вместо $\Theta\rho\alpha\chi\acute{\omega}\nu$ — $\Theta\alpha\tau\acute{\epsilon}\omega\nu$, поддержанная В. В. Латышевым, или вместо $\Theta\rho\alpha\chi\acute{\omega}\nu$ — $\Sigma\rho\alpha\chi\acute{\omega}\nu$, поддержанная С. А. Жебелевым. Наш исследователь считает, что трудно решить, какой из указанных конъектур следует отдать предпочтение. Вопрос может быть решен с большой определенностью в пользу мнения В. В. Латышева. Естественнее ожидать, что на реке Фате жили фатеи, а не сираки, да и местность, по которой протекает Фат, судя по описанию Диодора, была к югу от Кубани, где вряд ли могли жить сираки.

Книга написана очень хорошим языком, стиливые погрешности и терминологические неточности крайне редки. Из числа замеченных нами досадных опечаток отметим: на стр. 149 имя «Ситалик», превращенное в «Ситаук», на стр. 66 о греческих крестьянах сказано, что они разводили «сливу», вместо «оливу».

Однако все перечисленные недостатки отнюдь не обесценивают отмеченных боль-

ших достоинств рецензируемой работы. Исследование Д. П. Каллистова является ценным вкладом в изучение истории далекого прошлого нашей страны; автор проявил здесь свою разностороннюю эрудицию и присущее ему мастерство историка-исследователя.

В. Д. Блаватский

* * *

Появление работы Д. П. Каллистова представляет собой примечательное событие в нашей литературе. Работа вызвала повышенный интерес советских ученых.

Автор впервые в плане большого монографического исследования выдвинул проблемы взаимоотношений в Северном Причерноморье между миром «варваров» и миром греков. До сих пор эти проблемы еще не изучались специально в крупном исследовании, а мир местных племен не получал достаточного освещения как основная часть Северного Причерноморья. Постановка и попытка разрешить эти проблемы, несомненно, являются огромной заслугой автора.

Проблема взаимоотношений двух различных сил — греческой и туземной на территории нашего Юга совершенно законно издавна интересовала русскую науку. Ряд выдающихся ее представителей, не без влияния буржуазных западноевропейских ученых, развивали тезис о «культуртрегерской» роли колонизаторов-греков по отношению к местным племенам. Очевидная тенденциозность этой теории не могла удовлетворить наших советских исследователей. С этой точки зрения, постановка проблемы о взаимоотношении двух миров как одной из главных проблем рецензируемой работы совершенно правомерна и необходима.

Чрезвычайно положительным и ценным моментом работы является исследование социального строя народов, населявших Северное Причерноморье. Благодаря привлечению широкого археологического материала, новейших печатных работ и острой критике различных буржуазных теорий, в частности, концепции «державы» у скифов, глава, посвященная этим проблемам, читается с большим интересом и увлечением. В целом, мир «варваров» обрисован верно, хотя и дан несколько обобщенно. Необходимо было бы дать более четкую характеристику отдельных племен, отметив более высокий уровень развития одних и отсталость других. Обобщения упростили картину реального быта племен и несколько схематизировали его.

Неверным представляется нам отождествление социального строя скифов, меотов и синдов, а также отрицание более раннего возникновения классов и государства у последних. На стр. 153 в качестве вывода говорится: «Едва ли ... область синдов, окруженная со всех сторон другими меотийскими племенами, в своем социальном развитии явилась исключением и ранее других вступила на путь государственности». Однако сам автор, не говоря уже о наличии синдских монет и известия о синдском царе Гекатее, силою фактов вынужден признать, что именно территория Кубани, а не Крыма, дает картину наиболее резкого социального контраста между погребениями (стр. 113). Именно племена на территории Кубани и Северного Кавказа находились под постоянным и ускоряющим процесс общественной дифференциации воздействием государства Урарту, о чем неоднократно упоминает сам автор (стр. 113, 126). Все это не могло не отразиться на социальном строе синдов, которые, по всей вероятности, рано приняли участие в формировании и развитии боспорской государственности.

В труде Д. П. Каллистова рассматривается вопрос об интерпретации северочерноморских «варваров» в античной литературной традиции. Направления, идеализирующие или порочащие скифов или другие северные народы, связываются с разочарованием греков того времени в общественной жизни отечества, поисками идеального образа правления, дискуссиями о «*πάτριος πολιτεία*» и воплощением якобы идеального «строга отцов» у скифов. Такое объяснение, выдвинутое автором, интересно и правдоподобно, хотя, как нам кажется, оно лишь отчасти объясняет обе литературные традиции. Причины возникновения последних нужно искать не только в области идеологической, но и в области социально-экономической. Пристальное внимание грека к